

Тощая кошка несла в зубах котёнка. Ветер подметал на улице листья и на перекрёстке топил их в луже. Небеса просели настолько низко, что о верхушках орешников, высаженных вдоль домов, можно было догадываться лишь по ворчанию сварливых ворон.

Кошка подошла к забору и приготовилась к прыжку. Забор был сделан из ракушечника и возвышался над землёй метра на два.

Порывы ветра напоминали дыхание больного человека — от испуганно-слабого до судорожно-исступлённого. Припомнился бесноватый ветер на Апшероне в январе шестьдесят восьмого. Столько лет прошло, а до сих пор не могу забыть песок, впивающийся в лицо. Он казался мне тогда злым стариком-садистом, изводившим всё живое раскалёнными иглами. Тело моё надёжно укрывали тулуп, валенки, рукавицы, шапка, а вот щёки... Хорошо, что часовым довелось побыть немного — несколько раз, да и ветер вскоре сгинул в Каспийском море...

Но сейчас был осенний Крым, и ветра здесь иные, правда, шальные.

Кошка прыгнула... Она не промахнулась, просто не смогла забраться наверх — порыв ветра прижал её к забору.

...За ненастьем лучше наблюдать из укрытия, удобнее всего из тёплой квартиры с большими окнами. Сидишь в кресле и смакуешь «Мускат белый Красного камня» из массандровских подвалов и прокручиваешь в памяти кадры из далёкого прошлого. Сегодня они чёрно-белые, с налётом безысходности, но с хорошим концом.

...Картофельное поле. Его перерезает грунтовка, уплотнённая легковым транспортом, на котором местные жители съезжаются на пляж. Летом здесь многолюдно. А куда ещё пойти жарким днём в маленьком городке? Естественно, на берег реки.

Иногда сюда пригоняли коров, реже лошадей: они подолгу бродили по мелководью, утоляли жажду и отгоняли хвостами слепней. Вот и я с Витькой, соседским мальчишкой, прихватив

солдатское одеяло и удочки, отправился купаться. Одеяло я взял в сарае, где бабушка летом «малевала» на заказ картины со львом и лебедями... Благо дело, в городе стояла кадрированная дивизия, и у «кусков»* можно было купить всё: тушёнку в банках, густо смазанных солидолом и обёрнутых в газету, юфтевые и хромовые сапоги, бушлаты, сукно для офицерской шинели. Бабушке приносили одеяла. Тонкие с тремя полосками по краям.

— Зачем эти полоски? — Сетовала бабушка. — Неужели нельзя без них?

Она натягивала на раму одеяло и, прикладывая к нему разные трафареты, вырезанные из плотного картона, тампонировала разноцветными красками определённые места. Трафарет за трафаретом — обыкновенное одеяло на глазах превращалось в яркую картину: в пруду плавают лебеди, а за ними, обнявшись, наблюдает влюблённая пара, или — огромный лев на берегу моря отдыхает под пальмой. Трафаретов для создания других картин у бабушки не было. Стоили они немало, а денег, как всегда, не хватало. Полоски на одеяле бабушка старательно прятала под листьями пальмы или закрывала волнами.

...Грунтовка, как минное поле, утыканное старыми и свежими коровьими лепёшками. Мы продвигались между ними неспешно. Вот уже нарисовались очертания левого берега реки с обглоданными кустами ивняка. За ними начиналась тридцатиметровая полоса пляжа, а дальше берег резко задирает нос. Обычно мальчишки собирались здесь, на обрыве, чтобы показать своё мастерство в прыжках с двухметровой высоты. Это место было примечательно ещё и тем, что за какой-то час-другой на два крючка я натаскивал полный бидон верховодок. Бабушка из них крутила очень вкусные котлеты. Они нравились мне и Муське, кареглазой кошке, которая приходила к нам в гости, завидев меня с удочкой и бидончиком. Рыбу я ловил на рачки - личинки бабочки подёнки.

Однажды вечером я стал свидетелем необычайного явления. Течение реки на мелководье неспешно перебирало водоросли. Они упрямо раскачивались на волнах, как будто намечали безопасный путь между берегами. Неожиданно часть берега у воды окрасилась в белый цвет, стала набухать... И вдруг рассыпалась на мелкие частички. Их подхватило дыхание заката и закружило над волнами последних дней июля... Это были подёнки...

Берег и река пришли в движение. Собралось бесчисленное количество рыб. Объединившись с ними в один организм, река разинула громадную пасть и проглотила бабочек, берег, закат и воздух. Мне показалось, что я присутствую на поминках света. Через мгновение всё стихло, но это чувство опустошённости я вспоминал много лет.

Когда не было клёва, я часто прибежал к хитрой уловке: из-под воды выбрасывал на берег куски уплотнённой земли. В них проделывали ходы рачки. Ими-то и любила лакомиться рыбёшка... Не успеет скрыться в воде наживка, — рыба уже на крючке.

Ширина реки была небольшая — метров пять. Помню, пришёл я в полдень на рыбалку. Добыл рачков, размотал удочку... Напротив меня сидели два рыбака. Клёва у них не было, и они больше поглядывали на стопки, чем на поплавки. Но когда рыбаки увидели, как я, одну за другой, снимаю с крючка то верховодку, то краснопёрку, — вернулись к своим удочкам, начали менять наживку. Это продолжалось до тех пор, пока один из них не выругался и, переломив через колено удилище, стал собираться домой...

...С прозрачного небосвода начала опускаться вязкая тишина, как плотная штора с бежевым отливом. Сначала затаился ветер, потом онемел голос птиц. Потемнело. Бока горизонта вспороли молнии.

Наш бег с препятствиями через «лепёшки» закончился плачевно: Витька подвернул ногу, и мы остановились посреди поля. Первые капли дождя так быстро выстудили всё вокруг, что мне пришлось достать одеяло из сумки и поднять его над нашими головами. Успел вовремя — зачастил густой град.

Сколько же было у него ненависти ко всему живому, если мы, прижавшись друг к другу, даже через одеяло чувствовали его хлёсткие удары. К тому же, воздух вдруг стал расширяться. Озон наполнил собой всё вокруг. Забрался и в меня, мои лёгкие. Когда я уже начал задыхаться, он растворился. Стало легче дышать, и мои мучения прекратились.

Я убрал одеяло. Взгляд заскользил по лужам и грязи, взбитой градом. Все всходы картофеля были срезаны и вместе с колорадскими жуками беспомощно валялись вокруг. Напуганные грозой, мы в тот день, естественно, на пляж не попали.

...Ветер разошёлся настолько, что отогнул на крыше кусок жести и принялся досаждать глухим похлопыванием, напоминающим снисходительные аплодисменты. Заниматься ремонтом в такую непогоду было опасно, и я решил повременить. Вскоре ветер, уткнувшись под мышку заката, присмирел, и я вышел во двор. Обошли с Марком, русской борзой, сад. Поглядев на крышу, понял, что завтра придётся поработать кровельщиком... Да и не помешает подмести двор: листья нашли приют во всех его закоулочках.

Марк остановился возле кучки листьев и завертел головой. Потом, фыркнув, начал принюхиваться.

— И что ты здесь нашёл? — Удивился я.

В ответ Марк снова фыркнул.

— Хорошо, — согласился я, — давай посмотрим.

Мы с Марком — я веточкой, а он лапами — откопали серого котёнка. Для меня осталось загадкой, откуда взялся этот малыш. Никто из соседей его не

